

Музыченко Диана Сергеевна
Белорусский государственный
университет, кафедра психологии
преподаватель, аспирант
220004, г. Минск, Республика Беларусь,
ул. Кальварийская, 9, кафедра психологии
БГУ
17p-holmes@rambler.ru

Muzychenko Diana
Belarusian State University, lecturer at the
department of psychology, postgraduate student
220004, Minsk, Belarus, Kalvariyskaya 9,
Department of psychology, BSU

ВИКТИМНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

VICTIMITY AS A CRITERION FOR MALADJUSTMENT OF PERSON

Резюме: Буллинг и виктимизация анализируются с позиции стратегической адаптации к среде и ситуации. Адаптивность рассматривается как критерий успешности функционирования личности. Обсуждается эволюционный подход к пониманию виктимности личности. Симптомы дезадаптации выступают в качестве индикатора мотивационной дисгармонии. Приводятся взаимосвязи между типом виктимизации и профилем дезадаптационных нарушений у подростков.

Abstract: Bulling and victimization are analyzed from the position of strategical adaptation to environment and situation. The adaptability as a criterion of the successful functioning of the person is under consideration. The evolutionary approach to understanding of person's victimity is discussed. The symptoms of maladjustment act as an indicator of motivational disharmony. Interrelations between type of victimization and profile of maladjustment disorders in adolescents are presented.

Ключевые слова: виктимизация, виктимность, буллинг, адаптивность, дезадаптационные нарушения, эволюционный подход.

Key words: victimization, victimity, bulling, adaptability, maladjustment disorders, evolutionary approach.

В психологии буллингили специфический вид агрессии в форме запугивания и издевательств традиционно рассматривается как результат неадаптивного развития. Однако традиционным представлениям противостоит точка зрения некоторых авторов, согласно которой буллинг не является расстройством поведения [9]. По мнению исследователей, буллинг, по крайней мере частично, может быть поведением, предназначенным для достижения эволюционно значимых целей, потенциальная роль которого объясняется в контексте адаптации [7]. В частности, издеательства могут быть

усовершенствованной дополнительной адаптивной стратегией, которая предоставляет некоторые преимущества для тех, кто ее осуществляет [8].

Буллинг встречается во всех обществах, в том числе древних цивилизациях и современных племенах. Он считается эволюционной адаптацией, целью которой является достижение высокого статуса и доминирования, получение доступа к ресурсам, обеспечение выживания, уменьшение стресса и получение больших возможностей для передачи своих генов [9]. Подтверждения были обнаружены среди группы вытесняемых охотников-собирателей, испытывающих чрезвычайную нехватку средств, где подростки (и даже маленькие дети) были интенсивно вовлечены в буллинг по вопросам жизненно важных физических ресурсов. Такого рода буллинг можно наблюдать и в погоне за профессиональным успехом или другими материальными ресурсами в сферах с большими возможностями и ограниченным доступом [8]. Помимо того, хулиганы встречаются во всех социально-экономических и этнических группах в отличие от диагностируемых расстройств поведения [9].

Таким образом, распространенность и универсальность издевательств может указывать на обратное: буллинг – это адаптивный и расчетливый ответ личности на социальную среду.

Эмпирическую поддержку теории обеспечивают результаты различных исследований. Прежде всего, в литературе подчеркиваются *соматические преимущества* хулиганов. Хотя нет прямых доказательств того, что издеательства стимулируют большее физическое развитие, имеются данные, что хулиганы (особенно мужского пола) имеют тенденцию быть крупными и сильными [8]. У них также отмечаются наименьшие физические или психосоматические проблемы со здоровьем. Более того, было выявлено, что хулиганы более здоровы и сильны по сравнению с детьми, не участвующими в буллинге [9].

Канадское исследование выявило связь буллинга с интенсивностью поиска партнера и сексуальной активностью [7]. Хотя вовлечение в различные знакомства является более периферическим индикатором, чем сексуальное

поведение, с точки зрения авторов, оно также отвечает цели репродуктивного успеха и, кроме того, поиску статуса. Однако авторы осторожны в интерпретациях, предупреждая, что издевательства могут быть относительно хорошим предиктором только в некоторых выборках – в более старших, так как большую часть различий данных в исследованиях объясняла переменная возраста. Ощущение собственной физической привлекательности в любом возрасте коррелирует с количеством партнеров по свиданиям. Но, если в выборке 11-18 лет оно было связано с восприятием своей способности вызывать расположение (нравиться людям) и вовлеченностью в знакомства, то среди студентов первого курса университета – с наличием сексуального опыта, большим числом сексуальных партнеров, а также предсказывало буллинг в поведении. С другой стороны, возрастная динамика корреляций только подтверждает эволюционную интерпретацию буллинга, поскольку в более старшем возрасте, когда поиск и выбор партнера становится более нормативным, поведение запугивания обнаруживает функциональность, проявляясь в рассмотренных взаимосвязях.

Другими авторами также выделяются позитивные последствия буллинга для *психического здоровья*. По данным исследований качества жизни существует взаимосвязь совершения буллинга с более высоким показателем психологического благополучия студентов в возрасте от 18 лет и старше. Опыт осуществления вербального и реляционного буллинга в период обучения в школе и колледже также связан со значительно более высокой оценкой качества жизни в области социальных отношений [6]. По мнению исследователей, повторяющийся и последовательный паттерн поведения хулиганов отражают лежащие в основе агрессивные черты личности в сочетании с отличными вербальными и межличностными навыками (навыки общения, умение ладить с людьми, коммуникабельность), которые позволяют им участвовать в вербальном и реляционном буллинге.

Издевательства непосредственно связаны с такими положительными психологическими характеристиками, как способность понимать мысли и

чувства других, когнитивная эмпатия, социальная компетентность и самооффективность [8]. Было обнаружено, что хулиганы (но не хулиганы/жертвы) весьма популярны и часто являются компетентными манипуляторами и лидерами [9]. Хулиганы могут заставить других присоединиться (посмеяться, дразнить, ударить, распространять слухи), как в качестве свидетелей, так и подручных. В продольных исследованиях о хулиганах известно не много, но в тех случаях, где это удалось изучить, не было выявлено, что они подвержены повышенному риску каких-либо психических или общих проблем со здоровьем. Вместе с тем хулиганы могут быть девиантными и вероятнее склонны быть менее образованными и оказаться безработными, в дальнейшем проявить антиобщественное поведение и быть обвиненными в серьезном преступлении, краже со взломом или незаконном употреблении наркотиков. Однако отмечается, что при анализе данных многие из влияний осуществления буллинга на делинквентность могут исчезнуть при контроле переменных других неблагоприятных семейных обстоятельств.

Пик проявления буллинга отмечается в подростковом возрасте, что связано с активной социализацией как ведущей направленностью возрастного этапа. Возникающие новые задачи функционирования повышают требования к адаптационному потенциалу. Нахождение в среде сверстников обнаруживает столкновение интересов в реализации своих потребностей, выявляет личные преимущества и дефициты. Успешность адаптации актуализирует расстановку социальной иерархии и определение своей роли относительно других сверстников. Таким образом, социализация представляет собой приспособление личности к определенной роли (статусу), что обычно происходит в соответствии с объективными возможностями.

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что виктимизация связана с различными симптомами дезадаптации. В ранее предпринятом нами исследовании была сделана попытка проследить основные взаимосвязи между типом виктимизации и профилем дезадаптационных нарушений у подростков [1]. Согласно полученным данным, склонность к зависимому и беспомощному

поведению обнаруживает прямую связь со снижением интегрального показателя *личностного адаптационного потенциала*, в частности с такими его компонентами как *поведенческая регуляция коммуникативный потенциал*, что указывает на трудности регуляции своего взаимодействия со средой, а также затруднение в построении контактов с окружающими. Помимо того, зависимость и беспомощность коррелирует с возрастанием в личностном профиле акцентуированности черт и самоуничижением, что проявляется в тенденции к подчеркиванию дефектов своего характера и существующих проблем при выполнении теста, что также служит признаком отсутствия гармонии и психологического комфорта. Напротив, некритичное виктимное поведение отличает желание представить себя в более выгодном свете.

Агрессивную, самоповреждающую и некритичную модели виктимизации характеризует тенденция к снижению *морального потенциала* в адаптации как отсутствие стремления соблюдать общественные нормы поведения. В то же время при гиперсоциальном поведении виктимизирующая адаптация осуществляется за счет исключительного приоритета руководства моральной нормативностью и ориентацией на соблюдение общепринятых правил. Склонность к агрессивному поведению поддерживается снижением *социальной желательности* и возрастанием черт *истерии*, то есть желаний личности обратить на себя внимание окружающих, характеристик эмоциональной лабильности, вытеснения сложных психологических проблем, социальной незрелости. Наиболее сильная взаимосвязь с ростом *психотических реакций* наблюдается при склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению наряду с подъемом по шкале *дезадаптационных нарушений*, отражающей невыраженные посттравматические стрессовые реакции и другие донозологические расстройства, еще не являющиеся при этом клиническим диагнозом.

Эволюционная объяснительная парадигма всегда сопряжена с рассмотрением вопросов генетики и роли наследственных характеристик. Продольное близнецовое исследование экологического риска с участием 1116

пар близнецов (2232 человек), родившихся в 1994-1995 годах в Англии и Уэльсе выявило, что в виктимизации детей на *генетические факторы* приходится более двух третей индивидуальных различий (73%) и лишь 27% рассматривается как «*необщие*» *параметры окружающей среды* (опыт, который уникален для каждого близнеца и влияет на каждого ребенка по-разному) [4]. Последнюю группу влияний составляют уникальные группы дружбы, случайные факторы и неудачи (несчастья), такие семейные факторы как дифференцированное материнское обращение (уход, забота), специфический опыт дома или в школе. Необходимо отметить, что генетические факторы имеют особое значение в отношении виктимизации со стороны сверстников, тогда как злоупотребление со стороны взрослых, как и восприимчивость детей к жестокому обращению, такой связи не обнаруживает, коррелируя с характеристиками агрессора или ситуации.

Результаты метааналитических обобщений свидетельствуют, что у тех, над кем издевались, обнаруживается больше симптомов социальной тревожности интернализации (как в качестве следствия виктимизации, так и ее прогностического параметра). Виктимизация взаимосвязана с возникновением эмоциональных нарушений и депрессивных симптомов серьезной степени, развитием пограничного расстройства личности, повышенным риском психотического опыта с возрастом (галлюцинаций или бреда). В продольных исследованиях установлено, что дети, которые стали жертвами издевательств, имеют плохое общее состояние здоровья и более медленное восстановление после болезней, подвергаются более высокому риску психосоматических нарушений и проблем со сном [9]. Жертвы также демонстрируют плохую адаптацию в школе и сообщают о более негативном восприятии школьного климата по сравнению с хулиганами и не вовлеченной в буллинг молодежью. По данным продольных исследований, пострадавшие испытывали больше затруднений в решении проблем или сохранении дружбы и менее вероятно, жили с партнером и имели социальную поддержку.

В связи с негативным эмоциональным фоном, сопровождающим ситуацию виктимизации, отмечается высокий риск самоповреждения, суицидальных мыслей и попыток. Отрицательные эмоции здесь выступают не только как индикатор мотивационной дисгармонии, но и выполняют регулируемую функцию для сообщества. С точки зрения эволюционной психологии, суицидальные тенденции хронически депрессивных субъектов представляют собой процессы внутривидового саморегулирования. Помимо того, в качестве результате одного из механизмов эволюции, опасность регрессии вида контролируется сцеплением склонности к пассивно-оборонительному поведению (отказу от поиска выхода из сложившейся ситуации) с подверженностью патологическим изменениям сердечно-сосудистой системы и др. психосоматике [3]. Качество состава популяции совершенствуется за счет элиминирования особей, плохо адаптирующихся в определенных условиях существования.

Предпринятое нами исследование фокусируется на анализе мотивационно-ценностных особенностей виктимной личности. Согласно полученным результатам были отражены характерные противоречия или конфликты потребностей, определяющие каждый из типов виктимного поведения в подростковом и юношеском возрасте [2]. Виктимность как специфический способ функционирования и межличностного взаимодействия может быть понята в качестве средства (или условия) достижения удовлетворения значимых потребностей, создающего уязвимость по отношению к активности социального окружения. Дополнительной задачей исследования является определение адаптивных ценностей и мотивации для современных лиц юношеского возраста.

В настоящее время могут быть обозначены новые грани в рассмотрении личностной виктимности. О более широком понимании процессов виктимизации говорит появление лонгитюдных исследований жизненных траекторий лиц, подвергшихся виктимизации. На наш взгляд, актуальным является смещение акцента с рассмотрения симптомокомплекса

непосредственных последствий опыта виктимизации к целостному анализу способа функционирования личности и дальнейшей жизненной стратегии. В свою очередь, эволюционный подход дает возможность расширения фокуса изучения от особенностей личности агрессора или профиля жертвы, появления которой выжидает преступник, к функциональному пониманию всего явления.

Однако предполагается, что буллинг является дополнительной адаптацией, которая проявляется только при определенных условиях окружающей среды. Издевательства, как и любое поведение, сопряжены с издержками и выгодами. В ответ на определенную среду подростки могут принимать стратегии, позволяющие получать более прямые и немедленные вознаграждения [8]. При различных материальных и психологических обстоятельствах может быть сделан разный выбор.

Для полного понимания буллинга и виктимизации требуется постановка явления в более широкий контекст *среды* и *ситуации*, в которой эта конкуренция происходит. В разрабатываемом нами исследовании в целях предупреждения абсолютизирующей интерпретации роли личностных факторов в виктимизации рассматриваются дополнительные переменные. Согласно экологической модели понимания виктимизации [5], на феномен оказывают влияние факторы с нескольких уровней, представляющих связанный набор систем. В собранном наборе данных уровень *микросистемы* отражает информация о людях, с которыми человек регулярно взаимодействует (значимых других, с которыми он поддерживает отношения). Уровень *экзосистемы* как включенность в более многочисленное сообщество отражают данные об учреждении образования (школа, ПТУ, колледж) и получаемой специализации, статусе семьи (полная/неполная), специфике профессиональной занятости родителей. *Макросистема* как уровень окружающей среды, формируемой политикой, культурными практиками и нормами представлена информацией о месте жительства респондента (город, поселок городского типа, сельский населенный пункт), с целью чего в исследуемой нами выборке были охвачены разные районы Минской области.

В связи с неуспешностью ряда программ интервенции в работе по предотвращению буллинга в молодежной среде, что обсуждается многими авторами, перспективу вмешательств могут составить некоторые альтернативы. Во-первых, переориентация внимания с психопрофилактики отрицательных эмоций у пострадавших на целенаправленное формирование потребностей, мотивов, ценностей. Во-вторых, внедрение более целесообразных дисциплинарных последствий для издевательств, повышая тем самым «издержки» и снижая предполагаемые «выгоды» и социальные награды.

1. Музыченко, Д.С. Адаптационный потенциал личности, склонной к виктимному поведению в подростковом возрасте / Д.С. Музыченко // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. Вып. 7. в 2-х ч. Ч. 2. / Центр учебной книги и средств обучения РИПО; редкол.: О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИПО, 2017. С. 141–149.

2. Музыченко, Д.С. Мотивационно-ценностный профиль виктимной личности в юношеском возрасте / Д.С. Музыченко // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. в 2-х ч. Ч. 1. Вып. 6. / Центр учебной книги и средств обучения РИПО; редкол.: О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИПО, 2016. С. 195–203.

3. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. М.: Наука, 1981. 215 с.

4. Ball, H.A. Genetic and environmental influences on victims, bullies and bully-victims in childhood / H.A. Ball, L. Arseneault, A. Taylor, B. Maughan, A. Caspi, T.E. Moffitt // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49, №. 1. P. 104–112. doi: 10.1111/j.1469-7610.2007.01821.x

5. Chantal, P.T. Revictimization advancing theory and method : dissertation in psychology / P.T. Chantal ; Georgia State University. USA., 2007. Режим доступа http://scholarworks.gsu.edu/psych_diss/28. [Дата доступа: 19.11.2017]

6. Chen, Y.Y. Precollege and in-college bullying experiences and health-related quality of life among college students / Y.Y. Chen, J.H. Huang // *Pediatrics*. 2015. Vol. 135, №. 1. P. 18–25. doi: 10.1542/peds.2014-1798

7. Volk, A.A. Adolescent bullying, dating, and mating: testing an evolutionary hypothesis / A.A. Volk, A.V. Dane, Z.A. Marini, T. Vaillancourt // *Evolutionary Psychology*. 2015. Vol. 13, №.4. P. 1–11. doi: 10.1177/1474704915613909

8. Volk, A.A. Is Adolescent bullying an evolutionary adaptation? / A.A. Volk, J.A. Camilleri, A.V. Dane, Z. A. Marini // *AggressiveBehavior*. 2012. Vol. 38, № 3. P. 222–228. Doi : 10.1002/ab.21418

9. Wolke, D. Long-term effects of bullying/ D. Wolke, S.T. Lereya // *Archives of Disease in Childhood*. 2015. Vol. 100, № 9. P. 879–885. doi: 10.1136/archdischild-2014-306667